

АННА И ВРОНСКИЙ ПОД ОГНЕМ РЕВНИВОЙ КРИТИКИ

В январе 1975 года журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» напечатал первые главы романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Его читатели мгновенно разбились на группы восторженных поклонников и возмущенных оппонентов.

«Всякая глава “Анны Карениной” подымала все общество на дыбы, и не было конца толкам, восторгам и пересудам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком», – писала двоюродная тетка Льва Толстого фрейлина Александра Андреевна Толстая. «Роман ваш занимает всех и читается невообразимо. Успех действительно невероятный, сумасшедший. Так читали Пушкина и Гоголя, набрасываясь на каждую их страницу и пренебрегая всем, что писано другими», – сообщал Толстому Н.Н. Страхов после выхода из печати 6-ой части «Анны Карениной. – Это великое произведение, роман во вкусе Диккенса и Бальзака, далеко превосходящий все их романы». Вскоре Страхов сообщил Толстому свое впечатление от всего произведения: «О выходе каждой части Карениной в газетах извещают так же поспешно и толкуют так же усердно, как о новой битве или о новом изречении Бисмарка. И так же врут. Я знаю одно: совершилось великое событие в русской литературе, явилось новое великое произведение».

Русское общество жадно зачитывалось романом, наслаждалось им, бредило его героями. Для многих читателей Анна Аркадьевна стала воплощением женской прелести и обаяния. Стремясь подчеркнуть привлекательность той или иной женщины, ее сравнивали с героиней Толстого: à la Каренина.

Трагическое повествование о страстной любви замужней женщины и молодого офицера, то есть история адюльтера с плохим концом, стала великим романом, который покорила читателей всего мира, сочинением, ради которого русский язык учили иностранцы, чтобы прочитать его в подлиннике. Он и вошел в сознание поколений читателей как самый известный в мировой литературе роман о любви.

Время подтвердит высокую оценку «Анны Карениной». «Я без колебаний назвал “Анну Каренину” величайшим социальным романом во всей мировой литературе», – писал Томас Манн. А.А. Фет, прочитав роман, писал Толстому о том, как утоляется его сознание мыслью, что на Руси есть человек, способный, сидя в Ясной Поляне, написать «Анну Каренину».

1

Важно, однако, помнить, что далеко не все суждения и высказывания об этом романе были к нему благосклонны. Радикально настроенные читатели и критики, молодые и зрелые, воспринимали «Анну Каренину» в штыки, считая роман пустым и бессодержательным. Когда в марте 1876 года А.С. Суворин опубликовал в газете «Новое время» положительную рецензию на литературную новинку, гимназисты восьмого класса прислали сердитое, возмущенное письмо, оскорбившись снисходительностью либерального

журналиста. Негодовал и цензор николаевских времен, а в те времена тайный советник, А.В. Никитенко, увидев главный порок «Анны Карениной» в отсутствии идеалов, смаковании грязи и пошлости.

Одни читатели горячо защищали Анну, другие ее сурово судили. Защитницы женской эмансипации не сомневались в правоте Анны и были недовольны трагическим концом романа. «Толстой жестоко поступил с Анной, толкнув ее под колеса поезда, не могла же она всю жизнь мучиться с нелюбимым, постылым Алексеем Александровичем», – рассуждали курсистки, девушки, рискнувшие получить образование.

Уместно напомнить, что в первоначальном варианте романа героиня (ее зовут Татьяна Сергеевна Ставрович) все же получает развод и живет с любовником (здесь имя его Балашов) и двумя детьми. Но поскольку изменился их образ жизни, меняется и окружение пары: теперь это не столько высший свет Петербурга, сколько дурно воспитанная богема. К паре приходит бывший муж – худой, сторбленный старик: в руке он держит револьвер, собираясь убить жену, а после застрелиться сам. Однако преступное намерение быстро меняется – он призывает бывшую жену к раскаянию и религиозному возрождению. В итоге любовники ссорятся, Балашов (Вронский) уезжает, Татьяна Сергеевна (Анна) уйдя из дому, оставляет записку, а через день ее тело находят в Неве. Благополучного исхода для героини автор не видел ни в каком случае, правда, в поздних вариантах романа Анна и Вронский стали выглядеть благороднее, возвышеннее, привлекательнее. Автор, кажется, сильно привязался к своим героям и даже стал сочувствовать их несчастной любовной связи.

Защитники «свободы чувств» никак не могли понять, почему мучается Анна, почему она так расстроена и угнетена. Приверженцы революционного лагеря упрекали героиню не за то, что она оставила нелюбимого мужа, а за то, что поглощена борьбой за личное счастье, в то время как передовые русские женщины (Вера Фигнер, Софья Перовская, Анна Корвин-Круковская и другие) поставили крест на личном счастье и посвятили себя борьбе за счастье народа.

Уже через четыре месяца от начала печатания «Русский вестник» счел необходимым разъяснить свое отношение к журнальной новинке. В статье «По поводу нового романа гр. Толстого», подписанной буквой «А» (ее автором был В.Г. Авсеенко, критик и романист катковского круга), утверждалось, что «Анна Каренина» – это великосветский роман, а сам Толстой – художник, принадлежащий к школе чистого искусства. Критик, превознося романиста, восторгаясь сценой бала и множеством великосветских лиц, будто бросал вызов журналистике противоположного толка – и радикальная пресса разразилась негодующими оценками, из года в год не снижая градуса негодования.

П.Н. Ткачев, критик и публицист демократического журнала «Дело», в статье 1875 года сердито осудил автора «Анны Карениной» прежде всего за его героев. «Все герои романа, все эти Левины, Вронские, Облонские, Анны Каренины, Долли, Кити – обеспеченные материальным довольством субъекты, для которых вследствие склада их воспитания, а также довольно ограниченного нравственного и умственного развития главная и существенная “злоба дня” заключается в их половых отношениях, влечениях и интересах, в горе и

радостях, связанных с этими интересами». Все лица романа, по мнению Ткачева, пусты и бессодержательны, автор же, не смущаясь пошлостью и пустотой изображаемого им мира, тратит свое дарование на совершенно вздорное и даже растленное содержание.

Спустя три года Ткачев лишь ужесточил свое отношение к «Анне Карениной», увидев в романе образец *«салонного художества»*, *«новейшую эпопею барских амуров»*. Статья Ткачева 1878 года так и называлась – «Салонное художество», о котором критик говорил с неподдельным отвращением. Он и Толстого назвал человеком салона. «Толстой знает свою публику и умеет ублажать ее вкусы. Он знает, что она не только любит заниматься амурными похождениями, не только любит хорошо поесть, попить и покутить, но любит также, чтобы ей рассказывали об ее амурах, обедах и кутежах как можно поэтичнее и увлекательнее».

Теоретика народничества критика Н.К. Михайловского поразили два факта: «чрезвычайный интерес к благоуханным и блестящим сферам» и «этот Вронский, центавр какой-то, в котором не разберешь, где кончается превосходный кровный жеребец и где начинается человек, доступный благородным чувствам и романтическим порываниям».

Критик либерально-народнического направления А.М. Скабичевский тоже признал «Анну Каренину» «самым заурядным романом из великосветской жизни», обнаружившим «оскудение таланта» Толстого. В своих статьях он не скупился на грубые и даже грязные эпитеты: «Эта мелодраматическая дребедень, в духе старых французских романов, расточается по поводу заурядных амуров великосветского хлыща и петербургской чиновницы, любительницы эксельбантов... Вот оно где полное начало-то конца, совершенная какая-то литературная ростепель!.. Верх омерзения представляет изображение любви Анны Карениной и Вронского. Граф Толстой возводит Анну Каренину и Вронского на ходули героизма; их плотоядную похотливость представляет в виде какой-то колоссальной роковой страсти... Когда вы видите одну голую, ничем не одухотворенную и не осмысленную чувственность, – вы выносите одно омерзение, и омерзение не к фактам романа, а к самому произведению, так как писатель в ваших глазах нисколько не возвышается над тем миром, который изображает».

Мало кто из литераторов, современников Толстого, отважился сказать о романе то, что сказал музыкальный критик В.В. Стасов: «Граф Лев Толстой поднялся до такой высокой ноты, какой еще никогда не брала русская литература. Даже у самих Пушкина и Гоголя любовь и страсть не были выражены с такой глубиной и поразительной правдой, как теперь у Толстого. Он решительно идет вперед – один он, между тем как остальные наши литераторы – кто назад пошел, кто молчит, кто побледнел и обезличился... Вот что значит истинный, настоящий талант: он до конца жизни идет всё только вперед... Какая сила и красота творчества разлиты в этом романе, какая чудная мощь художественной правды, какие нетронутые глубины тут впервые затрагиваются!.. Он умеет... чудною скульпторской рукой вылепить такие типы

и сцены, которых до него никто не знал в целой нашей литературе... “Анна Каренина” останется светлой громадной звездой талантливости навеки веков».

Отчаянная любовь и запретная страсть, которые составили смысловое ядро толстовского романа, русская критика обсуждать и не хотела, и стеснялась. Ревнивая русская критика, в лице самых своих авторитетных представителей, была так озабочена злобой дня, что грубо ошиблась в оценке великого романа о любви. «И если близорукие критики думают, – говорил в этой связи Толстой, – что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Анны Карениной, то они ошибаются».

2

Но вот поразительное обстоятельство: близорукими оказались не только представители радикального лагеря. Многие литераторы из консерваторов и либералов восприняли роман как слишком раскованный, «французский», то есть фривольный. Катков счел необходимым смутиться откровенной сексуальной сценой – теми двумя страницами второй части романа, где были описаны первые минуты любовного соединения Анны и Вронского (переживаемых ею счастья, стыда, радости и ужаса).

Молодому критику Вс. С. Соловьеву резко не понравилась Анна. «Героиню романа, красавицу Анну, – писал он, – мы оставили в 1 № “Русского вестника” очень бледной фигурой и недоумевали, что из нее выйдет. Теперь из нее вышла очень неинтересная женщина, без особенного ума, без особенной доброты, без злобы, даже без той стихийной силы и страсти, которые в своих ярких, горячих порывах могут быть так невольно привлекательны, что им прощаешь многое». В своем окончательном приговоре критик заклеил Анну как жалкую, пошлую и дрянную женщину.

Рецензенты будто соревновались друг с другом, кто больнее ужалит автора за его якобы пристрастие к аристократизму и еще за то, что он смакует «в подробнейших описаниях амуры дам и кавалеров большого света и в то же время пропускает мимо глаз живые и жгучие явления современной действительности». «С каждой из этих страниц, – писал В. Буренин, – веет бесцельностью творчества, скудостью содержания... Вникните попристальнее в эти пять частей обширной эпопеи о флигель-адъютантских амурах Вронского с неверной супругой высокопоставленного лица, Анной Карениной, вникните во все главные эпизоды романа – и вы не в состоянии будете ответить себе, ради чего потрачено автором так много страниц и так много художественного дарования. Вся идея, какую до сих пор можно извлечь из пяти частей, сводится к пошлой моральной сентенции: неверность и незаконная любовь высокопоставленных дам наказуется сама в себе. Для живого современного романа такого рода тема больше, чем ничтожна: она просто смешна».

Поэт П.И. Вейнберг увидел крупные недостатки романа в «крайней бесцветности и смутности образа самой героини, в пустоте, мизерности фундамента, на котором построена так называемая драматическая коллизия произведения, в несчастном переплетении узкой тенденциозности». О том, что «громадный талант тратится на такое ничтожное содержание, как изображение пустой жизни, вздорных понятий и мелких интересов», вслед за другими

литераторами, писал и Суворин. Анонимный рецензент «Отечественных записок» в августовской книжке журнала за 1877 год воспроизводил все те же штампы – о том, что все действующие лица романа, кроме Левина, в том числе «плаксивая, серенькая Долли, вороной жеребец Вронский, ученый Кознышев, бонвиван Облонский, чиновный Каренин – все эти люди почти не знают колебаний и сомнений насчет своего жизненного пути... Собственно говоря, такова же и героиня Анна Каренина, несмотря на свою трагическую судьбу».

Еще более существенными по градусу неприятия романа и претензий к нему были высказывания именитых писателей и людей высокого культурного слоя – тех, чье мнение могло интересовать автора или даже повлиять на него.

Н.А. Некрасов, который в середине 1850-х писал о Толстом как о новом, блестящем даровании, на котором сосредоточились лучшие надежды русской литературы, не удостоил «Анну Каренину» детального аналитического разбора, а сразу высмеял роман и его героиню в эпиграмме, под названием «Автору “Анны Карениной”»:

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

Отношение И.С. Тургенева к «Анне Карениной» можно, наверное, назвать смесью холодности, недовольства, предвзятости. «Прочитал я “Анну Каренину” Толстого и нашел в ней гораздо меньше, чем ожидал. Что будет – не знаю; а пока это и манерно и мелко – и даже (страшно сказать!) скучно... Кропотливо и вяло – вот общее впечатление; есть места хорошие, но немного... Талант из ряду вон, но в “Анне Карениной” он, как говорят здесь, а *fait fausse route* [сделал ложный шаг]: влияние Москвы, славянофильского дворянства, старых православных дев, собственного уединения и отсутствие настоящей художественной свободы. Вторая часть просто скучна и мелка, вот что горе!.. Все это кисло, пахнет Москвой, ладаном, старой девой, славянщиной, дворянщиной и т. д... Как ни велик талант Л. Толстого, а не выдраться ему из московского болота, куда он влез. Православие, дворянство, славянофильство, сплетни, Арбат, Катков, Антонина Блудова, невежество, самомнение, барские привычки, офицерство, вражда ко всему чужому, кислые щи и отсутствие мыла – хаос одним словом... Ото всей этой вещи отдает чем-то затхлым».

Позже Тургенев как будто смягчился в своих оценках, как смягчился и Стасов, которому понадобилось два года, чтобы увидеть в «Анне Карениной» не «амуры кавалеров и дам», а такое произведение, которое стоит выше произведений Пушкина и Гоголя.

Неприятие «Анны Карениной» выдающимися современниками Толстого при первом чтении – явление странное, но весьма характерное: читатели высокого культурного круга, не стовариваясь друг с другом, отвергали роман, не дойдя даже до середины. Так, П.И. Чайковский писал своему брату, Модесту Ильичу, в сентябре 1877 года: «После твоего отъезда я еще кое-что прочел из

“Карениной”. Как тебе не стыдно восхищаться этой возмутительно пошлой дребеденью, прикрытою претензией на глубину психического анализа. Да черт его побери, этот психический анализ, когда в результате остается впечатление пустоты и ничтожества». И только спустя четыре с половиной года, в феврале 1882-го, прославленный композитор сообщит другому своему брату, Алексею Ильичу: «Прочти “Анну Каренину”, которую я недавно в первый раз прочитал с восторгом, доходящим до фанатизма».

Особо следует сказать о реакции Ф.М. Достоевского, чей роман «Подросток» весь 1875 год печатался в «Отечественных записках» у Некрасова и вольно или невольно соперничал с «Анной Карениной». Первые ее части Достоевскому совершенно не понравились, и он не понимал, почему так холодно его друзья, Майков и Страхов, относятся к «Подростку» и так восторженно – к роману Толстого. «Об романе моем ни слова и видимо не желая меня *огорчать*, – писал Достоевский жене в феврале 1875 года. – Об романе Толстого тоже говорили немного, но то, что сказали – выговорили до смешного восторженно». И снова ей же: «Роман Толстого... довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются – понять не могу».

Год спустя Достоевскому написала педагог и общественная деятельница Х.Д. Алчевская. Она интересовалась мнением писателя об «Анне Карениной» и выражала надежду, что он скажет что-нибудь о романе Толстого в «Дневнике писателя». Вскоре Алчевская специально приехала в Петербург, чтобы встретиться с Достоевским. «Знаете ли, – сказала она ему при встрече, – человек, бранящий “Анну Каренину”, кажется мне как будто моим личным врагом». «В таком случае я замолкаю!» – отвечал Достоевский и, как она ни упрасивала его, он отмалчивался. И все же через несколько дней ответ Алчевская получила. «Все лица до того глупы, пошлы и мелочны, что положительно не понимаешь, как смеет граф Толстой останавливать на них наше внимание. У нас столько живых насущных вопросов, грозно вопиющих, что от них зависит, быть или не быть, и вдруг мы будем отнимать время на то, как офицер Вронский влюбился в модную даму и что из этого вышло. И так приходится задыхаться от этого салонного воздуха, и так натыкаешься беспрестанно на пошлость и бездарность, а тут берешь роман лучшего русского романиста и наталкиваешься на то же!» «Неужели же наша жизнь только и представляет Вронских и Карениных, это просто не стоило бы жить» – горячился Ф.М. Еще резче он выразился о Левине и Кити.

«Левин? По-моему, он и Кити глупее всех в романе. Это какой-то самодур, ровно ничего не сделавший в жизни, а та просто дура. Хорош парень! За пять минут до свадьбы едет отказываться от невесты, не имея к тому ровно никаких поводов. Воля ваша, а это даже ненатурально: сомнения возможны, но чтобы человек попер к невесте с этими сомнениями, – невозможно! Одну сцену я признаю вполне художественною и правдивою – это смерть Анны. Я говорю “смерть”, так как считаю, что она уже умерла, и не понимаю, к чему это *продолжение* романа. Этой сцены я и коснусь только в своем “Дневнике писателя”, и расхвалю ее, а браниться нельзя, хоть и хотелось бы, – сам романист – некрасиво!»

Прошел еще год, и Достоевский выступил в «Дневнике писателя» со статьей «“Анна Каренина” как факт особого значения». Это была критика с позиции «злости дня», как ее понимала леворадикальная интеллигенция. Он скажет, что избегал говорить о текущей беллетристике, что историю барского семейства читал у Толстого и раньше и «что там даже свежее было»; заметит, каким скучным виделся ему Вронский, который может говорить только о лошадях. «Любовь этого “жеребца в мундире”... могла быть изложена разве лишь в ироническом тоне».

Достоевский понял главную цель автора только прочитав сцену послеродовой болезни Анны. «В самом центре этой мелкой и наглой жизни появилась великая и вековечная жизненная правда и разом всё озарила. Эти мелкие, ничтожные и лживые люди стали вдруг истинными и правдивыми людьми, достойными имени человеческого, – единственно силою природного закона, закона смерти человеческой. Вся скорлупа их исчезла, и явилась одна их истина... Ненависть и ложь заговорили словами прощения и любви. Вместо тупых светских понятий явилось лишь человеколюбие. Все простили и оправдали друг друга».

Такой же позиции придерживался и М.Е. Салтыков-Щедрин. В марте 1875 года он писал своему другу П.В. Анненкову: «Вероятно, Вы... читали роман Толстого о наилучшем устройстве быта детор[одных] частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется *консервативная* партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?»

3

Итак, ревнивая русская критика, в лице самых своих авторитетных представителей, была так озабочена злобой дня, что грубо ошиблась в оценке великого романа о любви. Кажется, будто критики-мужчины никогда не слышали, что бывает разрушительная страсть, которая сильнее, чем любое другое чувство. Что такая любовь заслуживает сочувствия, а не злобных насмешек в духе казармы. Что называть Анну Аркадьевну «гулящей» женщиной, как это позволил себе Некрасов, непристойно. Что желать Анне Аркадьевне смерти в родах, лишь бы роман был закончен на высокой христианской ноте, немилосердно – и тут я решительно не согласна с Достоевским, ведь он сам писал в черновиках к «Идиоту»: «Сострадание – все христианство». Эти любящие мужчина и женщина были достойны лучшей участи – и более справедливого отношения к ним русской критики – снова подчеркну: мужской критики.

Об этом с горечью говорила называвшая себя женофилкой А.А. Ахматова, обращаясь к Л.К. Чуковской: «Неужели вы не заметили, что главная мысль этого великого произведения такова: если женщина разошлась с законным мужем и сошлась с другим мужчиной, она неизбежно становится проституткой. Не спорьте! Именно так! И подумайте только: кого же “мусорный старик”

избрал орудием Бога? Кто же совершает обещанное в эпитафии отмщение? Высший свет: графиня Лидия Ивановна и шарлатан-проповедник. Ведь именно они доводят Анну до самоубийства. А как он сам гнусно относился к Анне! Сначала он просто в нее влюблен, любит ее, черными завитками на затылке... А потом начинает ненавидеть – даже над мертвым телом издевается... Помните: “бесстыдно растянутое”?)»

Ахматова полагала, что Толстой мстил Анне. «Весь роман построен на физиологической и психологической лжи. Пока Анна живет с пожилым, нелюбимым и неприятным ей мужем – она ни с кем не кокетничает, ведет себя скромно и нравственно. Когда же она живет с молодым, красивым, любимым – она кокетничает со всеми мужчинами вокруг, как-то особенно держит руки, ходит чуть не голая... Толстой хотел показать, что женщина, оставившая законного мужа, неизбежно становится проституткой. И он гнусно относится к ней... Даже после смерти описывает ее “бесстыдно обнаженное тело” – какой-то морг на железной дороге устроил. И Сережу она любит, а девочку нет, потому же Сережа законный, а девочка нет... Уверяю Вас... На такой точке зрения стояли окружающие его люди, тетушки и Софья Андреевна. И скажите, пожалуйста, почему это ей примерещилось, будто Вронский ее разлюбил? Он потом из-за нее идет на смерть... Никаких у нее не было оснований думать, что он разлюбил ее. И сомневаться. Любовь всегда видна сто раз на день. И у Толстого эта ее чрезмерная подозрительность неспроста: Анна думает, что Вронский не может ее любить потому, что она сама про себя знает, что она проститутка».

И действительно: Толстой сильно сгущал краски, описывая «падение» Анны Аркадьевны. В томе «Литературного наследия» напечатана глава, выброшенная впоследствии из окончательного текста. В один из отъездов Вронского Анна, скучая и сердясь, просит гвардейского офицера, о котором знает, что он был влюблен в нее, проводить ее на цветочную выставку; в полутьме кареты она ведет себя с ним столь вызывающе, что, когда они доезжают до места и он открывает перед нею дверцы, – в этом жесте больше презрения, чем учтивости. Толстой понял, видимо, что это чересчур, в конце концов сам дал понять, что судьба Анны печальна. Когда она была юной девушкой, тетка выдала ее замуж за сухого, черствого человека, видного чиновника, делавшего служебную карьеру. Бездушный, холодный эгоист, он даже с сыном говорит языком канцелярских приказов. «Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится», – такую оценку дает ему его жена.

Конечно, Толстой волен был поступать со своей героиней по собственному разумению. Пушкин удержал свою Татьяну в пространстве нравственного закона, уберег ее от соблазнов любовной страсти и адюльтера (лишив, кажется, радости материнства). Но от времени Татьяны Лариной до времени Анны Карениной прошло полвека, и жизнь являла другие примеры.

Л.Н. Толстому несомненно были известны и громкие разводы людей его круга, и ситуации, когда любовь вершила чудеса и влюбленные добивались счастливого воссоединения. Знал об этом и герой его романа, Каренин. Но... «В

душе Алексея Александровича несмотря на полное теперь, как ему казалось, презрительное равнодушие к жене, оставалось в отношении к ней одно чувство – нежелание того, чтоб она беспрепятственно могла соединиться с Вронским, чтобы преступление ее было для нее выгодно. Одна мысль эта так раздражала Алексея Александровича, что, только представив себе это, он замычал от внутренней боли...»

«Я не могу быть несчастлив, но и она и он не должны быть счастливы», – вот мысль которая владеет Карениным. Когда он пришел к адвокату говорить о разводе, главным условием он выставил требование, чтобы их сын Сережа ни в коем случае не оставался с матерью.

Анна, зная своего мужа, легко угадывает его план. «Разумеется, он всегда прав, он христианин, он великодушен! Да, низкий, гадкий человек! И этого никто, кроме меня, не понимает и не поймет; и я не могу растолковать. Они говорят: религиозный, нравственный, честный, умный человек; но они не видят, что я видела. Они не знают, как он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого, что он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знают, как на каждом шагу он оскорблял меня и оставался доволен собой. Я ли не старалась, всеми силами старалась, найти оправдание своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Бог меня сделал такую, что мне нужно любить и жить. И теперь что же? Убил бы он меня, убил бы его, я все бы перенесла, я все бы простила, но нет, он... Как я не угадала того, что он сделает? Он сделает то, что свойственно его низкому характеру. Он останется прав, а меня, погибшую, еще хуже, еще ниже погубит».

Каренин надеется на вероятную смерть Анны в родах – как на то, что ее смерть «развяжет сразу всю трудность его положения». Узнав, что Анна благополучно разрешилась от бремени, «он ясно понял теперь, с какой силой он желал ее смерти». А прежде он испытывает *облегчение* от известия («очень плоха»), «что есть все-таки надежда смерти».

Надежда на смерть. Много ли в такой «надежде» христианского чувства? Вот вопрос, который обязаны задавать себе религиозные моралисты.

Интересен разбор романа, предложенный в лекциях по литературе В.В. Набоковым. Он возводил Л.Н. Толстого на высочайший пьедестал, трактовал его как писателя номер один, «Анну Каренину» называл бессмертным романом, «одной из величайших книг о любви в мировой литературе», а его героиню – одной из самых привлекательных героинь мировой литературы. Однако Вронский – это «мужчина не очень глубокий, бездарный во всем, но светский». Он «только выигрывает от скандала, его приглашают повсюду, он кружится в вихре светской жизни, встречается с бывшими друзьями, его представляют внешне приличным дамам, которые и на минуту не останутся рядом с опозоренной Анной... Вронский живет только ради удовлетворения своих желаний».

Но возникает вопрос: почему же Толстой, наградив свою героиню натурой значительной и глубокой, правдивой и страстной, послал ей любовь к

человеку пустому и во всем бездарному? Почему в таком случае этот роман – величайшая книга о любви?

5

Критика, ругавшая роман, оскорблявшая его центральных героев, была вдвойне неправа еще и потому, что автор не дал для этого никакого существенного повода. Взаимное влечение Анны и Вронского в романе мотивировано даже слишком избыточно. Вронский создан Толстым совсем не таким, каким его стремилась увидеть ревнивая мужская критика.

Разными персонажами Вронский обрисован с самой превосходной стороны. Стива Облонский: «Вронский – это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского и один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской. Я его узнал в Твери, когда я там служил, а он приезжал на рекрутский набор. Страшно богат, красив, большие связи, флигель-адъютант и вместе с тем – очень милый, добрый малый. Но более, чем просто добрый малый. Как я его узнал здесь, он и образован и очень умен; это человек, который далеко пойдет». Где тут «безмолвный кобель»?

Княгиня Щербацкая, полагая, что влюбленный в Кити Вронский, который танцует с ней на балах и ездит к ним в дом, обязательно женится на ней, тоже влюбленной, считает, что для дочери это будет не просто хорошая, а блестящая партия. Сама Кити, «как только она думала о будущем с Вронским, пред ней вставала перспектива блестяще-счастливая». Значит, не только «жалкая, пошлая, дрянная» Анна, но и идеальная, невинная Кити способна полюбить Вронского – полюбить безответно и безоглядно.

Замечая острым отеческим взглядом, что Вронский влюблен в его дочь не совсем так, как это нужно для женитьбы, князь Щербацкий говорит в сердцах: «А это франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну статью, и все дрянью» Князь Щербацкий не прав: он просто боится, что Вронский слишком хорош для его дочери, потому так и не делает ей предложения, ибо если бы сделал, то и пришелся бы по душе ее отцу. Что же касается фразы князя: «их на машине делают», то она, эта фраза, несправедлива: в мире романа среди десятков мужчин – и военных, и гражданских лиц нет и близко никого, о ком бы было сказано автором столько лестных слов.

Толстой рассказывает о знакомстве Вронского с Кити Щербацкой в самых нежных тонах. Толстой специально подчеркивает, что Вронский, по молодости лет, *не знал, не догадывался*, что его поведение предосудительно: «заманиванье» барышни Щербацкой без намерения жениться на ней никак не обдумывалось им и не планировалось.

Мать Вронского говорит о сыне, как о рыцаре: в детстве Алексей спас женщину из воды, позже хотел отдать все свое состояние брату, который женился на дочери декабриста, не имевшей никакого состояния, и позже, когда осознал, что деньги могли понадобиться ему самому, не смог отречься от своего великодушия: «Это было так же невозможно, как прибить женщину, украсть или солгать».

Даже Левин при виде добродушно-красивого, чрезвычайно спокойного и твердого лица Вронского смог отыскать в нем хорошее и привлекательное.

Полковой командир считает Вронского благородным и умным человеком и, главное, человеком, дорожающим честью полка. А в полку «не только любили Вронского, но его уважали и гордились им, гордились тем, что этот человек, огромно богатый, с прекрасным образованием и способностями, с открытой дорогой ко всякого рода успеху и честолюбию и тщеславию, пренебрегал этим всем и из всех жизненных интересов ближе всего принимал к сердцу интересы полка и товарищества». Никто в полку не считал образованного, умного, благородного офицера жеребцом в мундире.

Он привязан к деревенской России и говорит об этой спокойно и дружелюбно. Он самым лучшим образом устроит свое имение, свой дом; он окажется отличным хозяином, у которого все получается; построит у себя больницу для крестьян, снабдит ее самым современным оборудованием. Среди помещиков, героев романа, он единственный, кто умеет вести свой дом, кто способен не допустить разорения и не пустить по ветру свое богатство. Он решается на большой расход только тогда, когда есть лишние деньги, и входит во все подробности расхода. Таких, как Вронский, единицы: Левин (вслед за Толстым) чрезвычайно огорчен повсеместным оскудением дворянства, разоряющимся по своей беспечности.

«Да, это очень милый, хороший человек», – думает о Вронском Долли, прежде недолюбливавшая обидчика сестры. Проведя сутки в его доме, она смогла, наконец, понять, как Анна могла влюбиться в него. К тому же Стива Облонский, ее легкомысленный и неверный супруг, не может сводить концы с концами на доходы со своего имения и имения жены и на жалованье, получаемое им по службе. Он вынужден продавать имение по частям зажиточным купцам.

Непрерывно стоит вспомнить, как меняется Вронский на московском бале, когда танцует с Анной. Вместо спокойной, твердой, независимой манеры, беспечно спокойного выражения лица появляется выражение покорности и страха, потерянности и покорности. Кити видит это и понимает – вот оно, несчастье, вот он, другой Вронский, влюбившийся за один день. Что из этого всего выйдет, он не знал и даже не думал, но был счастлив этим.

Так не думает и так не чувствует жеребец и кобель, так чувствует Вертер, влюбленный отчаянно и самозабвенно. Позже и мать Вронского признает характер его страсти: «Это не была та блестящая, грациозная светская связь, какую она бы одобрила, но какая-то вертеровская, отчаянная страсть, как ей рассказывали, которая могла вовлечь его в глупости».

Вронский честен в своих помыслах и отдает себе отчет, что та сильная страсть, которая наполнила всю его жизнь, – не шутка и не забава, а что-то серьезнее и важнее. Вмешательство в его сердечные дела со стороны матери и брата возбуждало в нем злобу – чувство, которое он редко испытывал.

Толстой создает образ молодого офицера из высшего общества, которому нравы этого общества – теперь, когда он полюбил, и это было отнюдь не минутное увлечение, – осознавались как глубоко чуждые, когда необходимость скрывать свою любовь, лгать, хитрить и обманывать стали противны и омерзительны. Он чувствует, что его любовь к Анне несовместима с теми

правилами светского человека из столичной золотой молодежи, к которым он привык. Люди могли знать, подозревать их связь, но никто не должен был сметь говорить. В противном случае он готов был заставить говоривших молчать и уважать честь женщины, которую он любил. Вронский никогда не говорил ни с кем из товарищей о своей любви, не проговаривался и в самых сильных попойках («впрочем, он никогда не бывал так пьян, чтобы терять власть над собой»). Нет ничего общего с легкомыслием гусара, который похваляется перед товарищами любовными победами. Вронский – единственный герой Толстого, про которого автор считал нужным это сказать.

В противостоянии с Карениным он чувствует себя пристыженным, униженным, виноватым и лишенным возможности смыть свое унижение, потому стреляется. Толстой рисует человека благородного, внутренне честного, способного на самопожертвование, человека чести и порядочности. Не задумываясь ни на минуту, он отказывается от нового лестного карьерного предложения. Такой шаг, по прежним понятиям Вронского, был бы позорным и невозможным, но сейчас действовали уже другие резоны. Заметив, что начальство не одобрило его поступка, он тотчас же выходит в отставку.

«Алексей Вронский есть олицетворенная честь», – скажет его кузина Бетси Тверская, имея для такой оценки все основания. Вронский испытал подлинное отчаяние при мысли, что может навсегда потерять Анну.

Но ярче всего о Вронском думает Анна. «Чем больше она узнавала Вронского, тем больше она любила его. Она любила его за его самого и за его любовь к ней. Полное обладание им было ей постоянно радостно. Близость его ей всегда была приятна. Все черты его характера, который она узнавала больше и больше, были для нее невыразимо милы... Во всем, что он говорил, думал и делал, она видела что-то особенно благородное и возвышенное. Ее восхищение пред ним часто пугало ее самое: она искала и не могла найти в нем ничего непрекрасного».

И все же он не был вполне счастлив. «Как голодное животное хватается всякий попадающийся предмет, надеясь найти в нем пищу, так и Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины». Вот точка разлома в их отношениях: «Я счастлив ее любовью, но я должен иметь занятия. Я нашел это занятие, и горжусь этим занятием, и считаю его более благородным, чем занятия моих бывших товарищей при дворе и по службе... Главное же то, что, работая, необходимо иметь убеждение, что дело мое не умрет со мной, что у меня будут наследники, – а этого у меня нет. Представьте себе положение человека, который знает вперед, что дети его и любимой им женщины не будут его, а чьи-то, кого-то того, кто их ненавидит и знать не хочет. Ведь это ужасно!»

Их разногласия, не явленные в прямой диалоге, звучат опосредованно, в объяснениях с третьими лицами.

Автор вытаскивает наружу неявную пикировку: «Анна говорила шутливо, но в тоне ее чувствовалось раздражение. Дарья Александровна, внимательно наблюдавшая Анну и Вронского, тотчас же заметила это. Она заметила тоже, что лицо Вронского при этом разговоре тотчас же приняло серьезное и упорное

выражение... Долли поняла, что с этим вопросом об общественной деятельности связывалась какая-то интимная ссора между Анной и Вронским».

Это было начало конца. Вронский, сопротивляясь ревности и подозрениям Анны, стал думать о своей любовной связи и своем общественном положении отдельно от нее: «Я все могу отдать ей, но не свою мужскую независимость». Мужская независимость Вронского как раз и стала камнем преткновения в их отношениях. Никто не хотел идти навстречу, никто не хотел поступаться своими правами на полное и безраздельное обладание другим. Анна бравировала своим нежеланием иметь еще детей, подозревая, что Вронский больше не ценит ее красоту. Вронский хотел жить полной жизнью, а значит, не только любовью, но и полезными занятиями. Для Анны это было непереносимо.

Она уже не могла не мучить его – ревностью, подозрениями. Она не могла уже обходиться без дозы морфия. Она произносила про себя все невозможные, жестокие слова, которые он, как ей казалось, вот-вот должен бросить ей в лицо, и верила им, как уже сказанным. Она продолжала испытывать его – до тех пор, пока не сломала все.

Злой дух победил. Толстой не захотел дать Анне и Вронскому шанс превозмочь призрак смерти. Вряд ли вину за катастрофу Толстой возлагал на Вронского: всякое терпение, тем более мужское, имеет свои пределы. Толстой – это очевидно при внимательном чтении – даже освободил Вронского от ответственности за смерть Анны. Картина ссор и размолвок Анны и Вронского, нарисованная Толстым, – это торжество непоправимого, обреченного.

Толстой, на протяжении всего повествования восхищаясь Анной, соединил ее с самым лучшим из возможных людей их круга – ибо такая женщина, как она, никогда бы не могла полюбить ни жеребца в мундире, ни безмолвного кобеля. Вронский таким никогда и не был. Но поразительно, как превратно, искаженно, будто в кривом зеркале, увидели героя Толстого его современники. Читавшие роман незрячими глазами и бесчувственным сердцем, они как читатели потерпели тотальное поражение.